

О НАСТАВНИКЕ

д.м.н., проф. А. И. Авдеев

заведующий кафедрой патологической анатомии и судебной медицины

ГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный медицинский университет», г. Хабаровск

Встречи с Виталием Николаевичем оставили яркие воспоминания, а некоторые эпизоды общения с ним стали определяющими в принятии судьбоносных решений.

Считаю большой удачей, когда задолго до личной встречи с ним мне, районному эксперту, заведующий кафедрой Хабаровского мединститута Г.В. Ананьев в частной беседе предложил работу на кафедре, пообещав при этом заочную аспирантуру в Москве у профессора В. Н. Крюкова. Существенная потеря в зарплате и в практической карьере не останавливали, так как возникла перспектива начать научную работу у руководителя всесоюзного уровня. Уже через полтора года, летом 1984-го, приехал в Москву поступать в заочную аспирантуру и прибыл на кафедру 2-го Московского мединститута им. Пирогова. До сих пор вспоминаю оглушающую тишину в голове перед кабинетом профессора Крюкова, перед дверью в «большую науку» – момент встречи с автором известных монографий, учебников, руководителем научной школы. Никакой стеснительности (3 года стажа за плечами), но что-то «придавило»... Ассоциации с героями Д. Гранина и Ю. Германа (книги эпохи соцреализма) прослеживались.

Виталий Николаевич в тот солнечный летний день сидел за столом у окна вполоборота к входящему (аналогичную фотографию удалось сделать много позднее). Оценивающий взгляд-рентген, рельефный облик, мощные руки. Для него я был тогда одним из многих периферийных специалистов с непонятными перспективами.

После представительских фраз с моей стороны и ознакомления с письмом-рекомендацией от профессора Г. В. Ананьева Виталий Николаевич закуривает. Это тоже ритуал: глубокая затяжка с шумным хриплым вдохом, на выходе – дым из ноздрей. При этом он мысленно проводит анализ возможного претендента в аспирантуру и его потенциал, начинает зондирующую беседу: несколько общих вопросов – и какие-то выводы для себя он уже сделал...

На первом же собеседовании мне была предложена иная тема работы, которая определила мои последую-

щие четыре года жизни, да и вообще путь в науке. В кабинет вошел со своей схемой научного поиска, а вышел в смятении – с новой темой, ранее мне неизвестной, неизученной и с непонятной для меня перспективой в плане защиты (т.н. «диссертательностью работы»). Совершенно неясны были возможности по набору диссертационного материала на месте (не в Москве, а в Хабаровске). Неизвестны и перспективы будущей защиты: а вдруг останусь со своей темой у «разбитого корыта» после нескольких лет работы?... Знакомое ощущение для любого аспиранта, соискателя, который пытается определиться с научным направлением и научным руководителем.

Я тогда и понятия не имел, что у Виталия Николаевича на диссертационную разработку этой темы претендовал очень серьезный коллектив с поставленной наработкой экспериментального материала (мне об этом рассказали через несколько лет). От этой же темы отказался очень серьезный и уже признанный его ученик, выбрав другое направление (об этом я узнал в частной беседе, спустя 35 лет).

Терзания развеял мой полноватый сосед-очкарик по комнате из Барнаула – он знал К.В.Н. в бытность ректором АГМИ. Авторитетно мне растолковал, что «под Крюковым» защита будет «железная», «все его диссертанты защищаются вовремя и без затруднений», а гостя комнаты (аспирантка родом с Алтая) заявила, что «К.В.Н. – веселый дядька».

Началось «веселье». Концепция работы, нацеленная изначально на изучение ЧМТ при падении, уже через полгода изменилась в направлении политравмы. Две сумки, набитые черепами, в салоне самолета Хабаровск – Москва – Хабаровск и испуганный интерес на досмотре перед посадкой – это только один из мазков этого «веселого» периода. Набело отпечатанную работу (не на компьютере – на механической машинке) правят, «режут», вносят новые идеи с перспективой долговременной реализации, и т.д., и т.п...

Вокруг Виталия Николаевича создавалась доброжелательная аура с готовностью предоставить помощь и поддержку при одном условии – полная самоотдача в достижении поставленной цели (цель ставил, естественно, Крюков). Уникальная творческая атмосфера в ближайшем кругу Виталия Николаевича (кафедра, близкие, ученики по всему Советскому Союзу) вовлекала в круговорот его идей самых разных по характеру и привычкам людей, которые и друг с другом-то не всегда находили общий язык...

Я тогда чувствовал белую зависть к людям из окружения шефа, которые могли ежедневно видеть его, советоваться, обмениваться мнениями, шутить, т.е. иметь постоянную связь на уровне бытовых и служебных дел, а тем более общаться по наболевшим темам диссертационной работы!

Однако уже сейчас начинаю понимать верность есенинских слов, что большое видится на расстоянии. А в географическом понимании – что может быть дальше Дальнего Востока?

Авторитет В. Н. Крюкова в нашем регионе был незыблем. А мой статус аспиранта Крюкова позволил провести рискованные экспериментальные наблюдения (на биоманекенах) с выполнением работы в короткие

сроки. Только устная ссылка на Виталия Николаевича позволила мне в условиях провинциального бюро и кафедры уже в сентябре развернуть работы по созданию экспериментального стенда (сарай с лестничным маршем), в ноябре уже начать набор материала (2–3 эксперимента в неделю), в декабре – подать к публикации первую статью и рационализаторское предложение. Письменные отчеты – каждые полгода; редкие телефонные звонки; раз в год – возможность командировки в Москву для личного отчета и работы в библиотеке на Профсоюзной (Интернета в проекте не было, а библиотека еще не сгорела).

Редкие встречи (1–2 раза в год) заставляли готовиться к каждому московскому визиту как к импровизированному мозговому штурму. Помимо личного общения, мой научный руководитель широким жестом выводил меня, преподавателя из дальневосточного вуза, на самые высокие уровни профессионального и научного общения со своими коллегами, учениками, сотрудниками кафедр, которые очень пристально оценивали мою работу.

В тот период один звонок Виталия Николаевича главному эксперту России В. О. Плаксину позволил «покопаться» в архивах на Пятницкой, где мне удалось познакомиться со знаменитой К. И. Хижняковой и несколько дней поработать с ней бок о бок. Позднее, спустя годы, там же познакомился с легендарными С. С. Абрамовым, И. А. Гедыгушевым и другими авторитетами судебной медицины. В разное время в кабинете своего наставника был представлен экспертам с Алтая: энергичному Б. А. Саркисяну (перед защитой докторской), А. Б. Шадымову (молодому, обаятельному, еще не к.м.н.), А. Е. Тупикову (незадолго до защиты).

При таком темпе работы над кандидатской, широкой поддержке учеников и сотрудников Крюкова, творческой атмосфере в коллективе кафедры 2-го МОЛГМИ им. Пирогова работать было легко, азартно, создавалась добрая конкуренция между аспирантами-одногодками (нередко мне описывали успехи А. Б. Андрейко, аспиранта из Смоленска). Всем нам хотелось достичь предела возможного, доказать свою состоятельность в науке. Моя многократно переписанная, переделанная (по указанию научного руководителя), перекроенная заново (в 7-й раз) диссертация прошла на защите «влет» в плановый срок.

Настали смутные и непонятные времена – Перестройка, распил и дележ страны, которые многие справедливо считают тяжелым периодом нашей истории. Мне повезло в это время не влезть в коммерческие авантюры, сохранить профессию и под руководством Виталия Николаевича продолжить научную работу.

С 1996 года регулярно приезжал на его кафедру, и мне судьба еще раз даровала шанс окунуться в четкий ритм научной работы: набор материала по докторской диссертации и ее написание. Глава набиралась за главой, и по приезду на кафедру зачастую менялась вся структура работы, но в тот же вечер я садился за компьютер и воссоздавал всё уже в новой редакции, как выправлял накануне Виталий Николаевич.

Совершенно не было заметно, что уже в это время он пережил серьезные проблемы со здоровьем, из-за чего и отошел от руководства кафедрой, – при каждом моем приезде в столицу Виталий Николаевич с утра до вечера интенсивно работал по моей диссертации:

обсуждение, правка, советы, оформление перспективных новых идей.

Вспоминаются эпизоды и встречи с сотрудниками кафедры и их добрые советы. Как-то за чаепитием в кабинете профессора Кузнецова услышал от него фразу, что грешно рядом с таким научным руководителем, как Виталий Николаевич, упустить возможность и не защитить докторскую диссертацию. А условия для гостей кафедры были созданы самые льготные. Я, к примеру, работал в кабинете В. О. Плаксина, за его столом. Владислав Олегович как раз вернулся в тот период на кафедру и без церемоний дал добро на мое внедрение в вечернее время за его рабочее место. Если слишком задержался – диван наготове, а на верхнем этаже функционирует душ. Каждый гость кафедры после такого приема уносил с собой «вирус доброты» в свои провинциальные коллективы по всей стране.

Негласно, без высоких слов и лишнего морализаторства В. Н. Крюков воспитывал нас своим примером, своим отношением к работе и своим ученикам. И весь коллектив – от доцентов и преподавателей до лаборантов и ординаторов – относился к гостям кафедры очень бережно.

Меня коробят нередкие отзывы о москвичах как о черствых и прагматичных людях с сугубо утилитарным подходом к межличностным отношениям. Вопреки этому я тепло вспоминаю о многих москвичах, которые меня поддерживали и до сих пор помогают. Доброе отношение к человеку в столице зависит от того, зачем и с каким внутренним багажом ты прибыл в этот город (и не только в Москву), насколько больше можешь дать и реализовать, чем «подгрести».

В конце 2001 года диссертация моя была представлена к защите и написана монография, которую Виталий Николаевич помог выправить, а практически – пересмотреть. От соавторства он отказался категорически. Жалею до сих пор: такого шанса жизнь уже не подарит.

Последний раз повстречаться с Виталием Николаевичем мне удалось в конце октября 2013 года, в дни съезда судебных медиков, когда он собрал своих учеников на кафедре. В начале встречи Виталий Николаевич сразу возразил против лишнего славословия в свой адрес, и общение пошло в другом направлении. Шутки, смех, веселые истории из жизни каждого, связанные с Крюковым. А таких историй было множество. Виталий Николаевич лучился улыбками и смеялся со всеми вместе. А в конце встречи, после короткой паузы, он, убрав улыбку с лица, сказал нам «под итог», что это наша последняя встреча. Он простался с нами и был спокоен, доброжелателен и собран. Каждый участник этой встречи запомнил его таким.

Виталий Николаевич ушел в январе 2015 года. А в ноябре этого же года я попрощался со своим отцом, Иваном Дмитриевичем Авдеевым, полковником юстиции в отставке, ветераном Великой Отечественной войны (фронтовая разведка Сталинградского фронта, множественные ранения...).

Этими невосполнимыми потерями пропечатан для меня минувший 2015-й год – ушли два основных человека в моей жизни. Они так и останутся в моих воспоминаниях, связанные этим годом, схожие по характеру и по жизненной позиции – два незаурядных человека: мой отец и мой Наставник.

Для корреспонденции:

Авдеев Александр Иванович – д.м.н., профессор, заведующий кафедрой патологической анатомии и судебной медицины ГБОУ ВПО ДВГМУ, г. Хабаровск. 680038, Хабаровск, ул. Серышева, д. 44, кв. 17. +7(924) 104-87-47, aiavdeev@mail.ru